

надъ человѣкомъ. И это современно, и Тургеневъ современенъ: современность спрашиваетъ не только «чего», а также и «изъ-за чего»? Все пройдетъ и разрушится, какъ паутина, — нѣтъ, то-то, что нѣтъ: глубочайшія чувства человѣческаго сердца неизбывны — нельзя забыть! — и вотъ наступилъ «судъ жесточайшей пренуцимъ».

Звѣровидныя женщины Тургенева: Одицова, Ирина, Полозова, Лавреца — эта цѣль такой цѣпкой безсмертной жизни, замыкающаяся Еленой Безуховой въ «Войнѣ и мирѣ» Толстого, Глафирой Бодростиной въ «На ножахъ» Лѣскова и Екатериной Петровной Крапчикъ въ «Масонахъ» Писемскаго — сестры вокругъ «Древа Жизни». А какъ далека отъ этого «Древа» одиноко стоитъ Лиза: образъ восходящаго духа черезъ отреченіе. Судьба Лизы, недосказанная въ Софѣ «Странной исторіи», досказана въ Евлампіи «Степного короля Лира»: не побѣдивъ во имя какой-то высшей воли одну изъ своихъ волей, человѣкъ не найдетъ въ себѣ силы владѣть волею другихъ, и съ какимъ умомъ и способностями, не чета скромнѣйшей и простоватой Лизѣ, а угодитъ въ пылесось. И, какъ Лиза, одиноко стоитъ «Богомъ убитая» Лукерья изъ «Живыхъ мощей», перекликающаяся съ Ульяной изъ «Обойденныхъ» Лѣскова — «безотвѣтная, сиротливая дѣти и молитвенницы за затолкшіи ихъ мѣръ Божій».

Безулыбный, дѣлящій жизнь между чудовищной явью и кошмарнымъ сномъ, Тургеневъ, рассказавъ о своей судьбѣ въ «Пѣтушковѣ», слышитъ «стукъ-стукъ» скрытой руки этой судьбы — тайный знакъ приближающагося удара неизбывнаго часа, отъ котораго не уйти и самому живучему, самому цѣпкому, самому звѣрскому, рожденному подъ «Древомъ

Жизни». Нѣтъ, Тургеневъ не тотъ чванливый московскій хлыщъ съ парижскимъ «tiens» и «merci», какимъ онъ могъ казаться Достоевскому, изстрадавшемуся и увидѣвшему свѣтъ изъ страданія въ жертвенномъ страданіи человѣка, и Толстому, рассказавшему съ исключительной вѣрой въ чудесность человѣка о радости и свѣтѣ человѣческомъ, Тургеневъ, изъ своей тайной памяти отъ четырехъ Матерей почерпнувшей силу, и сердце его — навсегда раненое нераздѣленной первой любовью и неутоленное открыто къ жуткой и жгучей бѣдѣ человѣка бунтующаго и смиреннаго передъ неумолимой безпросвѣтной судьбой и одна сквозь эту тьму, какъ огонекъ, надежда — его послѣднее слово — что неутоленное здѣсь — тамъ утолится: «любовь сильнѣе смерти».

Алексѣй Ремизовъ.

Федоровъ и современность.
(А. Остромировъ. Харбинъ).

Жизнь и ученіе Н. Ф. Федорова настолько мало извѣстны большинству читающей публики, что хочется не рецензировать книгу, о немъ написанную, а просто изложить ея содержаніе и тѣмъ самымъ дать представленіе объ этомъ удивительномъ и удивляющемъ человѣкѣ, котораго Толстой, Достоевскій и Соловьевъ называли своимъ учителемъ. Но и это почти невозможно: Федоровъ мыслитель настолько своеобразный, что его мысли, переданныя не его словами, (вѣрнѣе, не его тономъ), становятся почти грубыми и часто смѣшными. Ограничусь поэтому тѣмъ, что отмѣчу лишь въ самыхъ общихъ чертахъ вопросы, съ философией Федорова связанные, и, дѣйствительно, являющіеся въ

какой-то мѣрѣ симптоматичными для современности.

Основная идея Федорова та, что смерть должна быть побѣждена человѣческими усиліями, причѣмъ предѣльнымъ выраженіемъ побѣды должно быть не только безсмертіе людей живущихъ, но и воскрешеніе живущими всѣхъ умершихъ. Люди должны понять, что ихъ главный врагъ — слѣпая, умерщвляющая ихъ природа, — и объединиться для борьбы съ этимъ врагомъ. Противъ силы слѣпой (природной) нужно мобилизовать всю ту разумную силу, которая сейчасъ направляется людьми на взаимоистребленіе: война и воскрешеніе, вотъ антиподы человѣческаго дѣйствія. Разруженіе утопія: нельзя изъять изъ міра энергію, идущую на «дѣланіе смерти», ее надо использовать лишь для противоположной цѣли. Всечеловѣческая армія труда, одушевленная общимъ дѣломъ, вооруженная всей мощью современной и будущей техники, армія титановъ, должна завоевать космическое пространство и собрать распыленные въ космосѣ молекулярныя частицы всѣхъ умершихъ. Общее дѣло скромно начнется съ регуляціи атмосферныхъ явленій, но для человѣческаго разумнаго генія нѣтъ преградъ, и скоро люди смогутъ свободно управлять кораблемъ-землей, пользуясь полной своей властью надъ энергіей, излучаемой солнцемъ. Тогда прекратится дѣторожденіе и человѣческое сѣмя будетъ идти на одушевленіе собранныхъ тѣлъ умершихъ...

Конечно, все это похоже на бредъ. Но мнѣ кажется, что ничего не слѣдуетъ отвергать по причинамъ внѣшней неправдоподобности: въ области явленій можно допустить все, что угодно, потому что не разумъ этому противится, а только привычка къ установившемуся

порядку, по существу же воскрешеніе умершихъ не болѣе таинственно и «безумно», чѣмъ рожденіе новыхъ людей, чѣмъ малѣйшее, вообще, проявленіе жизни или сознанія, и, конечно, чѣмъ сама смерть. Гораздо болѣе существенный, для общаго дѣла, вопросъ, это желательнo-ли и воскрешеніе и, даже, безсмертіе? Вѣдь воскреснетъ не только вашъ ничѣмъ не замѣчательный и ни въ чемъ неповинный предокъ, воскреснутъ тысячи извѣстныхъ и неизвѣстныхъ негодяевъ, воскреснетъ во плоти самъ Іуда Искаріотъ! — а поскольку человѣкъ и тогда останется свободнымъ, какъ предвидѣть возможныя послѣдствія? — Затѣмъ, если не измѣнятся содержаніе жизни, то нужна-ли ея нескончаемость? Ходить еще тысячи лѣтъ по субботамъ въ кафѣ, тысячи разъ еще ссориться и мириться съ тѣмъ же человѣкомъ, выкурить еще тысячи, — миллионы! — папирсъ, и что же дальше? Все то же: физическое безсмертіе, отсутствіе цѣли, ужасъ осуществленнаго, законченнаго, конченнаго, — «безсонница, похожая на сонъ». Не объ этомъ ли времени пророчество: «тогда люди будутъ искать смерти и не найдутъ ее, захотятъ умереть, но смерть удалится отъ нихъ».

Когда Толстой говорилъ, что христіанину слѣдуетъ прежде всего исполнить евангельскія заповѣди, Федоровъ отмахивался: разумѣется!... и дѣйствительно, жизнь Федорова была образцомъ праведности и милосердія. Онъ какъ будто и не подозрѣвалъ о томъ, что «исполненіе» не такъ ужъ естественно для всего человѣческаго рода, что общее дѣло, имъ выдвигаемое, потому только и есть общее, что направлено на внѣшнюю цѣль и что если люди имъ увлекутся, то забудутъ главное: зачѣмъ

имъ будетъ нужно «второе рожденіе», когда и первое сдѣлаетъ ихъ безсмертными, если творческій разумъ освободитъ ихъ отъ «поклоненія Отцу въ духѣ и истинѣ»?

Тутъ Федоровъ во многомъ существенно перекликается съ Бергсономъ: оба философа, исходя изъ христіанской любви, выдвигаютъ задачи, осуществленіе которыхъ сдѣлаетъ эту любовь уже ненужной, и не замѣчаютъ, какъ будто, что осуществленіе все той же христіанской любви сдѣлало бы ненужными именно выдвигаемыя ими задачи. Если бы Иванъ Ильичъ прожилъ жизнь такъ, какъ надо, то «возымѣлъ бы великое дерзновеніе» и сама смерть была бы ему не страшна. Но какъ надо? — вотъ камень преткновенія всякой практической философіи.

Лазарь Кельберинъ.

*Психологія «Жалости»
(Выдержка изъ доклада, прочитаннаго въ Берлинѣ).*

— Что же ты любишь своего мужа?
— спрашиваютъ крестьянку.

— А какъ же? Жалѣю. Какъ не жалѣть?

— Любишь?

— Жалѣю.

Она даже не поправляетъ, не исправляетъ вопроса. Просто вмѣсто одного слова ставитъ другое, кажущееся ей синонимомъ. Она не отвѣчаетъ: «нѣтъ, не люблю, а жалѣю». Она говоритъ: «Да. Жалѣю».

Сперва пожалѣла, мысленно пригрѣла, приглубила. А потомъ и настойчиво, какъ кровь сквозь кожу, проступила любовь. Любовь гетеросексуальная (любовь къ другому полу, т. е. самая

нормальная, чистая — и по Розанову, даже святая любовь), такая любовь можетъ начаться, какъ ощущеніе материнское. «Онъ у меня такой безпомощный». «Ахъ, ты мой несмысленный».

— Такъ ты любишь его?

— Жалѣю.

Въ Псковской губерніи, гдѣ я родился, гдѣ цокали, гдѣ говорили заланный, вмѣсто желанный, ницаво и цасы — крестьянка отвѣтила бы:

— Залѣю...

Съ подползающей къ намъ на брюхѣ собакой сравниваетъ Ницше это смиренное, ласково-жалѣющее чувство. Ага! Ты рядишься въ плащъ, когда не смѣешь показать клыковъ.

«Вотъ она подползла на брюхѣ, жалѣетъ, лижетъ руку, но я наклоняюсь къ ней, я впился въ ея глаза. Ага! Я узналъ тебя, проклятая. Огоньки въ своихъ глазахъ. Ты чуть смакуешь чужое горе. Ура! Это все не со мной случилось. И крутишься въ радости на брюхѣ».

Спенсеръ считаетъ жалость наслѣдіемъ родительскаго инстинкта, онъ ищетъ корней ея тамъ, гдѣ глубоко въ подпочвѣ духа нашего гнѣзятся примитивныя, первичныя поневолю вѣдрившіеся въ насъ (изъ за совмѣстной жизни семьею, кланомъ, группой) начатки соціального альтруизма.

Шопенгауэръ удивляется, поражается, странно радуется самому наличію чувства жалости на фонѣ всеобщаго, казалось бы, биологически предопредѣленнаго и самой природой предуказаннаго эгоцентризма отдѣльной особи. «Жалость — это единственная, неэгоистическая, истинно-моральная двигательная пружина, основа самодовлѣющей справедливости всякой подлинной человѣческой любви».